

Славянские и антиславянские идеи болгар и греков (середина XIX — начало XX вв.)*

Восточный вопрос обычно определяется как «конкретно-исторический» или «абстрактно-исторический». Первый исследовательский подход фокусируется на катаклизмах судьбы Османской империи в XVIII–XIX вв., а второй — на различных формах противостояния Европы и Азии, германского и славянского мира, христианства и ислама в гораздо более широких исторических границах¹.

Важным компонентом сложного комплекса отношений, создаваемого Восточным вопросом, является то, что великие державы, борясь за господство в нем, переносят в Юго-Восточную Европу не только политическое, но и идеологическое противостояние. Их идеологические доктрины, часто являющиеся продолжением их политических интересов, находят поддержку у балканских народов и влияют на идеологический и политический климат в регионе. Со своей стороны, представители политической, экономической и культурной элит на Балканах пытаются использовать политическое и идеологическое противостояние между великими державами для решения проблем своих народов.

Цель данного исследования — проанализировать представления болгар и греков о роли России на Балканах с середины XIX до начала XX вв. В этот период болгарская нация борется за свое утверждение, что противопоставляет ее греческим планам господства в Юго-Восточной Европе и неизбежно переплетает интересы двух народов с интересами великих держав. Представления о русских планах в регионе вызывают у болгар

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального научного фонда Болгарии, проект № КП-06-Русия/19 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах (XVIII–XXI вв.)».

и греков ожидания, надежды и опасения, которые постепенно перерастают в устойчивые стереотипы, провоцируя, казалось бы, нелогичные действия. Чтобы найти ответ на эти эмоциональные реакции, нами будут рассмотрены конкретные примеры, показывающие, как славянские и антиславянские идеи использовались в политических целях болгарской и греческой элитами соответственно. Поскольку эта тема слишком обширна, в данной работе будут приведены лишь несколько примеров, которые иллюстрируют ее и служат основой для ее дальнейшего, более детального изучения.

По разным причинам, главным образом, историческим и географическим, деятели греческого Просвещения были первыми на Балканах, которые на рубеже XVIII — XIX вв. распространяли среди своих соотечественников идею национального освобождения и присоединения к народам «просвещенного Запада». Однако после создания независимого Греческого государства в нем постепенно перевес получили идеи романтизма, антизападные и мессианские настроения². Это колебание греческой элиты перед дилеммой Восток-Запад совершенно логично, хотя бы потому, что после завоевания Константинополя османами в 1453 г. граница между Востоком и Западом на долгое время стабилизировалась, оставив Балканский полуостров частью Востока.

За время существования «Мегали идеи» с 40-х годов XIX в. до катастрофы в Малой Азии в 1922 г.* греческая элита постепенно сформировала концепцию «нашего Востока» (*Kath' ημάς Ανατολής*), получившую окончательное идеологическое завершение в период между Первой и Второй мировыми войнами³. Эта идеологическая конструкция подчеркивает три основных компонента: православие, язык и традицию, чтобы доказать существенное различие между греками и Западом и оправдать их право доминировать на Востоке. Разумеется, географический размах «греческого» Востока имеет самые разные трактовки в произведениях той эпохи. Но независимо от того, берет ли он за основу исторические границы империи Александра Македон-

* Малоазийская катастрофа — термин в греческой историографии для описания резни и изгнания греческого населения из Малой Азии (после поражения греческой армии) войсками Мустафы Кемала в апреле 1922 г.

ского или Византийской империи, обычно «греческий» Восток включает Балканский полуостров, Восточное Средиземноморье, Малую Азию, Сирию и все другие области, населенные «великим греческим народом»⁴. Это создает ощущение единства в греческом мире, который разбросан на три континента и к которому присоединяются все те, кто «верит во Христа и имеет греческий язык как язык своего отца», согласно удачному определению Иоанниса Колетиса⁵.

Несмотря на различные этапы развития «Мегали идеи» — начиная с мечты о создании восточной греческой империи с центром в Константинополе, через надежду на мирное проникновение в Османскую империю и ее завоевание «изнутри», до утверждения прагматической цели расширения границ Королевства Греции — в ней всегда преобладает идея «духовной общности политически разделенной нации»⁶. Таким образом, подчеркивается, во-первых, что эта нация намного больше, чем та, которую охватывает свободное греческое государство, и, во-вторых, именно греческая цивилизация, а не Греция, является центром, объединяющим нацию. Следует, конечно, отметить, что представители европейской элиты вносят свой вклад в построение этой теории. Еще в 1835 г. Георг Людвиг фон Маурер, регент греческого короля Оттона I (1832–1862 гг.), выразил мнение, что «судьба Греции — передать свет европейской цивилизации в Азию и за ее пределы». Он дал толчок греческому мессианизму, заявив, что Греция была «колыбелью цивилизации в Европе» и теперь должна «вернуть Азии, Египту и другим странам Востока то, что она позаимствовала у них тысячи лет назад»⁷.

Исходя из претензии культурного превосходства, цивилизационной и объединяющей роли Востока, идея о том, что Греция должна стать его политическим объединителем, вполне логична. Распространение эллинизма превращается в миссию, а принадлежность к нему — в привилегию, которую можно получить, изучая греческий язык. Язык, религия, традиции — это инструменты, призванные создать «воображаемое» сообщество, объединяющее греков внутри и за пределами Османской империи. До Крымской войны 1853–1856 гг. греческая элита формулирует основные тезисы агрессивного и крайнего национализма, ко-

торый во второй половине XIX в. под предлогом присоединения к «духу эллинизма» обращается к эллинизации Востока⁸. Об исключительном месте, которое греческие интеллектуалы отводят эллинизму, свидетельствует мнение Константиноса Досиоса (1854 г.). Согласно ему, российский император видит в своих кошмарах призрак грека, держащего скипетр византийских императоров⁹. По-видимому, в середине XIX в. часть греческой элиты представляла себе, что она конкурирует с Россией за османское наследство, и опасалась влияния России в Православных Церквях и среди славянских народов.

Ситуация осложняется национальной эмансипацией болгар от православной общности в Османской империи. Хотя болгарская нация формировалась с некоторым опозданием по сравнению с греческой, в первой половине XIX в. этот процесс уже начался. Его видимые черты — стремление болгар получить образование на своем родном языке и их борьба за независимую церковную иерархию. Однако национальное освобождение болгар неизбежно превращает их во врагов идеи «греческого Востока», в котором нет места другим народам, кроме греческого¹⁰. Это заставляет болгарских просветителей искать способы защитить право на существование своего народа. Первые из них — Григор Парличев, Иван Селимински, братья Константин и Киряк Даржиловци — не умеют читать и писать по-болгарски, потому что получили образование в греческих школах¹¹. Однако именно они являются самыми фанатичными распространителями болгарской национальной идеологии, борцами за современное болгарское образование и церковную независимость. Причина в том, что они являются свидетелями насаждения романтизма в Греции и жертвами теорий о превосходстве греческой нации над «варварами» болгарями. Их желание доказать важность своего народа и найти для него место на провозглашенном «греческом» Востоке неизбежно подталкивает к идее славянского единства.

Большое значение для зарождения славянской идеи среди болгар имели работы Юрия Венелина (1802–1839), впервые обосновавшего тезис об их славянском происхождении и уделившего особое внимание болгарскому языку как главному носителю национальности. Его творчество приобщает болгар к славянскому

миру и отводит им особую миссию, поэтому оно находит широкий отклик среди болгар. Под его влиянием Иван Селимински (1799–1867)¹² систематически использовал славян в своих трудах как синоним болгар и, таким образом, включил своих соотечественников в «120 миллионов славян», которые являются «великим народом», объединенным «общим происхождением, языком и вероисповеданием». Несомненно, присоединение болгар к «вековому славянскому дубу», которому не может угрожать «слабое греческое дерево», — это ответ И. Селиминского на греческую Мегали идею¹³. По его словам, славяне являются автохтонным населением на территориях «Болгарии, Дардании, Македонии, Иллирии, Герцеговины, Боснии, Сербии, Хорватии, Далмации, Словении, Моравии, Чехии, Галиции, Людомирии*, Польши и России», а народ, населяющий болгарские земли, всегда был таким же, и никакие захватчики или поселенцы не разбавили его этническую чистоту¹⁴. Эта теория обосновывает древнее происхождение болгар, чтобы доказать, что они не уступают грекам. Вместе с тем она направлена на получение политической поддержки со стороны России для освобождения и консолидации болгарской нации¹⁵. Таким образом, основываясь на традициях, языке и православии, болгарские деятели той эпохи стремились причислить свой народ к «славянскому Востоку», который, в их глазах, является единственной альтернативой «греческому Востоку».

Судя по всему, в середине XIX в. дилемма Восток-Запад была решена и греками, и болгарскими в пользу Востока, который они превращают в арену столкновения между славянской и антиславянской идеями. С учреждением Болгарского экзархата (1870 г.) и, в еще большей степени, с созданием Болгарского государства (1878 г.), это столкновение, помимо идеологического значения, приобретает и реальные политические измерения. Болгарская национальная доктрина основана на Сан-Стефанском договоре, согласно которому Болгария должна включать географические районы — Мизию, Фракию и Македонию. Эти границы опреде-

* Очевидно, И. Селиминский перечисляет существующие государства, географические и исторические районы Балкан, Восточной и Центральной Европы. Так, например, Дардания — название римской провинции в Центральных Балканах.

лены на основании султанского фирмана об учреждении Болгарского экзархата и воспринимаются болгарским народом как справедливые и обязательные для национального объединения. Среди политических партий Болгарии существует консенсус по вопросу о том, что главной целью болгарской внешней политики является национальное объединение болгарского народа, несправедливо разделенного на Берлинском конгрессе. Различия между ними связаны с тактическими вопросами — когда, какими средствами и с помощью кого будет достигнуто успешное решение этого вопроса.

Осуществление болгарской национальной доктрины, очевидно, предполагает выход Болгарии к Эгейскому морю, который в Афинах оценивается как самая большая угроза. В 1883 г. национальному греческому историку Константину Папаригопулосу было поручено написать доклад, уточняющий конкретные рамки, в которых можно было бы защитить претензии Греции¹⁶. Этот документ, составленный по чисто политическим причинам, излагает план объединения Греции, суть которого состоит в том, что сухопутная связь Греции с вожделенным Константинополем и с эллинизмом в Малой Азии должна поддерживаться любой ценой. Греческий историк утверждает, что Греции нужна сила, чтобы получить морское и островное преимущество и превратиться в ядро сосредоточенной вокруг Эгейского моря греческой нации. В противном случае она останется островной страной, то есть с легко уязвимой протяженной границей. Еще в 1885 г. план, предложенный К. Папаригопулосом, был публично объявлен премьер-министром Харилаосом Трикуписом и в последующие годы стал основой греческой политики.

Практически одновременно с К. Папаригопулосом Вселенский Патриарх Иоаким III представил свою точку зрения о границах эллинизма на Балканах. Он считает, что северная граница эллинизма включает города Драч, Прилеп, Струмицу, Мельник, Неврокоп, Эдирне и Созополь, и настаивает на том, что если болгары получают доступ к морю, это было бы «самоубийством» для эллинизма. Патриарх считает границу, установленную Берлинским конгрессом между Восточной Румелией и остальной частью Фракии, очень выгодной для греков и настаивает на том,

чтобы в ней не допускались никакие изменения¹⁷. Между взглядами Патриарха и греческого правительства на районы Балкан, в которых должно утвердиться греческое влияние, нет смысловой разницы.

Таким образом, политические доктрины Болгарии и Греции сталкиваются и вписываются в сложный комплекс Восточного вопроса и игры великих держав за господство в регионе. Напомним, что защищая британские интересы от российского влияния на Балканах и в Восточном Средиземноморье, лорд Солсбери доказывал на Берлинском конгрессе, что нельзя допустить, чтобы греки подчинялись славянскому большинству и их раса была ассимилирована, и чтобы Болгария получила выход на Эгейское море¹⁸. Греческие политики воспользовались совпадением своих интересов с интересами Великобритании и в последующие десятилетия неизменно настаивали на том, чтобы греки рассматривались как барьер для роста славянского влияния на Балканах. С трибуны греческого парламента Х. Трикупис заявляет: «В вопросе противодействия славянству эллинизму у нас есть сотрудничество, которое не соответствует дружбе держав с Грецией, а гораздо больше... У нас есть достойная роль, равная роли великих держав...»¹⁹.

Таким образом, с благословения Великобритании угроза славянства стала краеугольным камнем греческой политики и идеологии, потому что борьба со славянами одновременно продвигала греческие политические интересы и льстила самоуверенности греков, представляя их защитниками цивилизации от варваров-славян. Эту позицию очень четко выражает Неоклис Казазис, профессор права Афинского университета²⁰. По его словам, Россия проводит политику панславизма против греков и их православия. Славянская идея — оружие этой политики, которая должна создать сильное и великое Российское государство на развалинах приходящих в упадок европейских народов²¹. Так рождается идея «славянского заговора», направленного на религиозное и национальное уничтожение сильнейшего элемента Восточного Средиземноморья — греческого. Это уничтожение произойдет через захват Константинополя славянскими агентами — болгарам²². Профессор заявляет, что «болгаризация греческого полуостро-

ва является следствием не болгарской национальной идеи или действий болгарского народа, потому что они не преуспели бы в этом, а следствием более высокой власти, которая управляет Болгарией через свои органы»²³. Очевидно, что в этой теории традиционная недооценка болгар, часто называемых греками «варварами», переплетается со страхом греческой политической и духовной элиты перед укрепляющимися позициями России в регионе. Таким образом, постепенно в Греции утверждается тезис, что болгары являются орудием «панславизма», с помощью которого Россия проталкивает свои политические интересы.

Единственно в контексте этой логики можно истолковать события ноября 1901 г., когда по замыслу греческой королевы и русской великой княжны Ольги Константиновны Евангелие было переведено на разговорный греческий язык (димотики). Перевод Библии на данный язык означает не только приобщение народа к христианству, но и признание определенной этнической группы в лоне христианских народов и соответственно является важным элементом в процессе кристаллизации современных культур²⁴. В греческом случае ситуация осложняется тем, что древнегреческий язык воспринимается как один из священных языков христианства, а перевод Священного Писания на современный греческий приравнивает его ко всем другим переводам на западные и славянские языки²⁵. В результате перевод вызывает волнения в Афинах, которые перерастают в кровавые столкновения, в которых 8 человек погибли и более 40 получили ранения. Хотя вполне вероятно вмешательство со стороны оппозиции, а, возможно, и внешних факторов, подпитывающих скандал, всё же он выходит далеко за рамки обычных идеологических противоречий.

История восходит к 1898 г., когда королева Ольга предлагает сделать перевод Евангелия, чтобы повысить религиозность населения, которое благодаря переводу могло лучше понять смысл текста. На запрос королевы, допустим ли этот перевод, Св. Синод отвечает отрицательно. Такова же была и реакция Вселенского Патриарха Иоакима III, к которому обратилась Ольга. Вопрос оставался нерешенным до начала ноября 1901 г., когда афинская газета «Акрополь» опубликовала отрывки из перевода

Евангелия на димотики. Этот перевод, по словам болгарского дипломатического представителя в греческой столице, принят как «профанация» и «святотатство», поэтому он вызывает «полную революцию и брожение, в которых участвует не менее половины афинского населения»²⁶. Наиболее активно действуют студенты и преподаватели философского факультета Афинского университета, который является оплотом консерватизма и хранителем катаревуса²⁷, а также основным источником кадров, распространяющих греческую национальную идею.

Главное требование митингующих — «защита национального языка и религии», что раскрывает идеологический подтекст событий. Видны общий страх и неуверенность, вызванные самой идеей перевода, что фактически лишает греков чувства уникальной идентичности и превосходства²⁸. Эти события, названные «Евангелика», напрямую связывают вопрос о языке с церковью, а через нее, с образованием и использованием разговорного языка в качестве государственного²⁹. Важно подчеркнуть, что среди выдвинутых лозунгов, наряду с протестами против перевода, звучат призывы: «Долой славянство», «Долой Россию», «Долой Болгарию»³⁰. Это можно объяснить чувством, созданным правителями и проводимым через науку и образование, о непосредственной угрозе, исходящей от болгарского государства, рассматриваемого как славянская проекция России. Этот страх становится еще более ощутимым в начале XX в. после поражения Греции в войне 1897 г. и в связи с включением в повестку дня вопроса о Македонии. В данном случае речь идет о переплетении двух страхов — от внешней и внутренней опасности. Первая — это Россия, орудующая с помощью болгар, а вторая — разговорный язык и его приверженцы, которые хотят лишить греков основ их идентичности (религии и языка) и таким образом их уничтожить.

В последующие годы, когда македонский вопрос обостряется, тема языка становится еще болезненнее, поскольку сторонники разговорного греческого языка настаивают на том, чтобы на нем преподавали в начальных школах. Их логика заключается в том, что в оспариваемой османской провинции Македонии родным языком детей не является греческий, и их нелегко включить в греческую идею, потому что они не понимают ничего из того

высокого катаревуса, который им преподается. Их противники же настаивают, что только через изучение катаревуса болгарские дети в Македонии могут стать подлинными греками. В противном случае, утверждают они, дети не получают подлинного греческого сознания и славяне завладеют Македонией. Добавьте к этому тот факт, что книги, написанные на димотики, распространяются бесплатно (благодаря финансовой поддержке богатых греков из диаспоры), и становится ясно, почему сторонников разговорного языка клеймят, что они продают греческие интересы России³¹. Таким образом, уже в первом десятилетии XX в. появляется страх, что Россия покупает себе сторонников в регионе. Это опасение постоянно внушается и в последующий период, во время кризисов как в греческом, так и в болгарском обществе.

Славянская и антиславянская идеи возникают и развиваются на Балканах как реакция на роль России в Восточном вопросе. Однако в основном они отражают мечты и опасения балканских элит, вызванные многочисленным славянским населением Российской империи и ее интересами на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Эти эмоции подкрепляются интересами самих балканских народов и их борьбой за утверждение и господство в регионе. Проблема усугубляется дополнительно постоянным изменением политической ситуации, ведущей к изменениям и во внешней политике России. Повороты российской политики находят отражение как среди сторонников, так и среди ее противников в Юго-Восточной Европе. В результате создается комплекс противоречивых взаимных идей и ожиданий, которые до сих пор влияют на отношения России с балканскими народами.

Примечания

- ¹ Подробнее о различных взглядах на сущность и хронологический охват Восточного вопроса, как и его дефиницию, см.: *Първев И.* Балканите и Източният въпрос (1688–1878). София: УИ «Св. Климент Охридски», 2017. С. 9–16.
- ² Подробнее см.: *Данова Н.* Националният въпрос в гръцките политически програми през XIX век. София: Наука и изкуство, 1980; *она же.* Константин Георгиев Фотинов в културното и идейно-политическо развитие на Балканите през XIX век. София: Издателство на БАН, 1994.
- ³ Подробнее о понятии и его использовании см. в: *Κονταράτος Σ.* Η μυθοποίησή της «καθ' ημάς Ανατολής» στην αναζήτηση της πολιτισμικής μας ταυτότητας //

- Επιστημονικό συμπόσιο «Μύθοι και ιδεολογήματα στη σύγχρονη Ελλάδα» (23&24 Νοεμβρίου 2005) / Επ.ц. Α. Δημαράς. Αθήνα: Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού & Γενικής Παιδείας, 2007. Σ. 135–152.
- 4 Подробнее о различных суждениях о границах государства, о котором мечтали греки, и их связи с созданием болгарского государства см.: *Καράβας Σ.* Η Μεγάλη Βουλγαρία και η «μικρά ιδέα» εν έτει 1878 // *Τα Ιστορικά*. 2006. № 44. Σ. 3–42.
  - 5 *Трайков В.* Националните доктрини на балканските страни. Стара Загора: Знание, 2000. С. 18.
  - 6 Подробнее о конкретных проявлениях взглядов на сущность Мегали идеи см.: *Konstantinova Y.* The Place and Role of Stephanos Dragoumis in the Greek Political Elite in the Late 19th and the Early 20th Century // *Etudes Balkaniques*. 2008. № 2. P. 55–81.
  - 7 Цитируется по: *Κρεμμυδάς Β.* Η Μεγάλη ιδέα. Μεταμορφώσεις ενός εθνικού ιδεολογήματος. Εκδόσεις Τυπωθήτω, 2010. Σ. 15–16.
  - 8 Во второй половине XIX в. термин «эллинизм» (ελληνισμός) означает не только греков внутри и за пределами Королевства, а включает в себя идею об исключительной роли греческого духа, господствующего над имперской территорией, который сам сохранился, чтобы, ассимилируя другие народы и эллинизируя христианство, вновь торжествовать на Востоке, как единственный барьер перед панславизмом и носитель цивилизации. Подробнее о смысле и формировании понятия «эллинизм» см.: *Σιγάλας Ν.* Ο σχηματισμός της νεοελληνικής έννοιας ελληνισμός // *Τα ιστορικά*. 2001. № 34. σσ. 3–70.
  - 9 Цитируется по: *Κρεμμυδάς Β.* Η Μεγάλη ιδέα... Σ. 51.
  - 10 О болгаро-греческих отношениях в этот период см.: *Greek-Bulgarian Relations in the Age of National Identity Formation* // Ed. P.M. Kitromilides and A.Tabaki / Athens: Institute for Neohellenic Research, 2010.
  - 11 О них и их трудах см.: *Алексиева А.* Книжовно наследство на българи на гръцки език през XIX век. Т. 1. Оригинали. София: Гутенберг, 2010.
  - 12 Подробнее о нем см.: *Арнаудов М.* Иван Селимински 1799–1867. Живот, дело, идеи. София: БАН, 1938; *Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И.* Д-р Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София: БАН, 1962; *Желев Й.* Българският възрожденски интелектуалец в емиграция — между адаптацията и патриотизма: Случаят д-р Иван Селимински (1799–1867) // *Минало*. 2007. № 2. С. 82–94.
  - 13 Библиотека д-р Ив. Селимински. Кн. III. София: Министерство на народната просвета, 1905. С. 99.
  - 14 Д-р Ив. Селимински. Избрани съчинения. София: Наука и изкуство, 1979. С. 158–161.
  - 15 *Konstantinova Y.* Myths and pragmatism in the political ideology of Dr. Ivan Seliminski // *Greek-Bulgarian Relations in the Age of National Identity Formation* / Ed. P.M. Kitromilides and A.Tabaki. / Athens: Institute for Neohellenic Research, 2010. P. 163–180.
  - 16 Полный текст доклада см.: Αρχείο Στέφανου Ν. Драγούμη, φάκελος 214.1, σ. 7, а его анализ см.: *Καράβας Σ.* Ο Κωνσταντίνος Παπαρρηγοπούλος και οι εθνικές διεκδικήσεις (1877–1885) // *Ιστοριογραφία της νεότερης και σύγχρονης Ελλάδας 1833–2002*. Τ. Α. / Επ.ц. Π.М. Κιτρομηλίδης, Τ.Ε. Σκλαβενίτης. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004. Σ. 164–168.
  - 17 *Καρδάρας Χ.Δ.* Ιωακείμ Γ΄ — Χαρ. Τρικούπης, η αντιπαράθεση. Από την ανέκδοτη αλληλογραφία του Οικουμενικού Πατριάρχη (1878–1884). Αθήνα: Τροχαλία, 1998. Σ. 209, 253.

- 18 Източният въпрос в дипломатически документи, спомени на политически дейци и материали от периодичния печат на епохата. Съст. Илчев И., Гаврилов Б.Г. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 1995. С. 130.
- 19 Περί Χαριλάου Τρικούπη, ανάλεκτα (εκ δημοσιευμάτων) από Χ. 1862 μέχρι V. 1884. Τ. ΙΕ. Αθήνα, 1912. Σ. 132.
- 20 Больше об его жизни и работе см.: *Κόκκινος Γ.* Ο πολιτικός ανорθολογισμός στην Ελλάδα. Το έργο και η σκέψη του Νεοκλή Καζάζη (1849–1936). Αθήνα: Τροχαλία, 1996.
- 21 *Καζάζης Ν.* Το Μακεδονικόν πρόβλημα. Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος Κυρομάνος, 1992. Σ. 15–17.
- 22 Подробнее о месте Константинополя в политических планах и идеологических доктринах России см.: *Γεоргиева Т.Н.* Образът на Цариград (Константинопол) в руското общество през XIX век // Балканите — модернизация, идентичности, идеи / Съст. Ю.Т. Константинова. В. Търново: Фабер, 2011. С. 636–650.
- 23 Ελληνισμός. 1898. № 2. Σ. 53.
- 24 *Данова Н.* Константин Георгиев Фотинов... С. 119.
- 25 *Σταυρίδη-Πατρικίου Ρ.* Αντιπαραθέσεις των κυριαρχικών ρευμάτων κατά τον 20^ο αιώνα. Η αποτύπωση του ελληνοχριστιανικού ιδεολογήματος. // Ιστοριογραφία της νεότερης και σύγχρονης Ελλάδας 1833–2002. Τ. Α. / Επιμ. Π.Μ. Κιτρομηλίδης, Τ.Ε. Σκλαβενίτης. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004. Σ. 71.
- 26 Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 322К. Оп. 1. А.е. 91. Л. 18.
- 27 Катареvus — официальный греческий язык до 1976 г., когда он был заменен на димотики. Отличается использованием многочисленных литературных и архаичных форм, а также ограничивает использование иностранных и диалектных слов.
- 28 *Σταυρίδη-Πατρικίου Ρ.* Παλαιές ιδέες και νέοι φόβοι // Επιστημονικό συμπόσιο «Ευαγγελικά (1901) — Ορεσטיακά (1903). Νεωτερικές πιέσεις και κοινωνικές αντιστάσεις (31.10–1.11.2003) / Επιμ. Ου. Καΐφα. Αθήνα: Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού & Γενικής Παιδείας, 2005. Σ.16.
- 29 *Σταυρίδη-Πατρικίου Ρ.* Οι φόβοι ενός αιώνας. Αθήνα: Μεταίχμιο, 2008. Σ. 86.
- 30 ЦДА. Ф. 322К. А. е. 91. Л. 20.
- 31 *Σταυρίδη-Πατρικίου Ρ.* Οι φόβοι ενός αιώνας... Σ. 103.